

ФЭНТЕЗИ-БЕСТСЕЛЛЕР

Марек ГОТ

**Я НЕ ЛЮБЛЮ
ПЯТНИЦУ**

**ЭКМО
МОСКВА
2014**

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 73

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

В оформлении переплета использована работа
художника *Олега Горбачика*

Гот, Марек.
Г 73 Я не люблю пятницу : фантастический роман
/ Марек Гот. — Москва : Эксмо, 2014. — 448 с. —
(Фэнтези-бестселлер).

ISBN 978-5-699-73832-8

Лимба – мир магии и машин...

Приговоренный к смертной казни беглый военный преступник Питер Фламм не любил пятницу. По пятницам с ним чаще всего случались неприятности. И надо же было такому случиться, что Виктор Карелла — самый богатый человек в Федерации Свободных Торговых Городов — появился в скромном баре «Овца и мельница» именно в этот день недели. Выпивка не интересовала мультимиллионера, зато очень интересовал Питер. Ведь после всеобщей войны, разрушившей на Лимбе двенадцать магических Врат, только тот, кому нечего терять, способен проникнуть в тайну единственного уцелевшего портала...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-73832-8
© Гот М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Не из-за суеверий, конечно. Да и особо выдающихся пакостей со мной по пятницам не происходило, насколько я помню. Просто мне не нравится этот крайне бестолковый и суетный день недели.

Когда все это началось, тоже была пятница. Я только-только заступил на смену и протираю кружки за стойкой. Вообще-то я мог этого и не делать — Юл, мой личный рабовладелец и напарник, к своим обязанностям бармена относился очень ответственно, так что вся посуда у нас просто сияла. Но, кроме этого привычного занятия, другой работы не было — ранним утром посетителей в баре обычно не очень много. Так что я лениво тер стаканы, размышляя о судьбах мира вообще и о своей судьбе в частности. Между тем моя судьба стояла с другой стороны стойки и глядела на меня внимательными карими глазами.

— Полагаю, вы и есть господин Фламм...

Я чуть кружку не выронил от неожиданности. Он подошел тихо, как кот, и стоял здесь уже бог знает сколько времени. Кроме того, само обращение «господин» в баре «Овца и мельница» звучит нелепо, если не сказать издевательски, да и господином меня никто не называл уже давным-давно. Но самое глав-

ное, Фламм — это мое настоящее имя. Питер Фламм. Друзья могли бы называть меня Питом, если б у меня были друзья. Только вот друзей у меня не было, и сейчас меня звали совсем иначе. В документах я значился как Максим Лэн. Для Юла, его жены Марты, как и для всех постоянных посетителей бара, я был Максом, а других знакомых я себе пока не завел. Так что повод для неприятного удивления у меня был весьма серьезный — хоть война и закончилась, но приговор трибунала никто не отменял.

— Не понял, господин... Вы что-то заказали?

— Оставьте, Питер. Я знаю, кто вы. Я знаю о вас даже чуточку больше, чем вы сами о себе знаете, и уж, конечно, гораздо больше, чем вы хотели бы, чтобы я о вас знал. Заканчивайте дурака валять, и давайте поговорим как взрослые люди.

Поскольку в зале были только мы, я решил не устраивать представление под названием «закоговывменяпринимаетеячестнаядевушка».

— Вы из военной полиции?

— Нет. Я вообще не из полиции. Я зашел в это заведение, чтобы предложить вам работу.

— Да ну! Неужели ребята из службы занятости забыли вычеркнуть мою фамилию из списка безработных? Надо будет написать жалобу господину бургомистру. Государственные служащие не должны так наплевательски относиться к своим обязанностям! Вы согласны?

Вообще я соображаю достаточно быстро, но все это было слишком уж неожиданно. Черт! Да я даже не предполагал, что меня кто-то будет искать. То есть, конечно, рассматривал такую возможность, но только чисто теоретически. Зная неповоротливость и тупость нашего государственного аппарата, я был

уверен, что обо мне забыли еще до того, как тело сержанта Фламма было предано земле.

Зря, оказывается, я так думал...

Я внимательно рассмотрел посетителя. Худое некрасивое лицо с резкими чертами. Смуглая кожа. Черные прямые волосы. Аккуратная стрижка. Аристократический нос внушительных размеров. Карие глаза. Тонкогубый, желчный рот. Заостренный подбородок с заметным шрамом. Еще один, менее заметный шрам, под левым глазом. Ухоженная кожа, зубы ослепительной белизны и ногти с великолепным маникюром. По всем приметам — богатенький хлюст из Центра. На вид ему было очень хорошо за тридцать, хотя тут я мог сильно ошибаться — он был весь такой ухоженный и чистенький, что становилось ясно — этот парень никогда ничего тяжелее бумажника в руках не держал. Почему бы при такой беззаботной жизни и не выглядеть чуть моложе? Одет он был в исключительно дорогой костюм и белую рубашку. Над запонками трудилась, наверное, целая бригада ювелиров, причем не одну неделю и в две смены. В общем, если продать парнишку с аукциона, то можно нанять небольшую армию и отправиться завоевывать мир. Кроме того — у него был галстук. Люди в галстуках не заходят в «Овцу и мельницу». Люди в галстуках предпочитают «Золотой империал», «Орла и оленя» или, на худой конец, «Три короны». Эти забегаловки расположены на главной площади возле городской ратуши, центрального банка и управления полиции. А «Овца и мельница» расположена в Среднем городе, в двадцати кварталах от Центра, и человек в галстук может зайти сюда только случайно.

Или не случайно, как вот сейчас.

— Отказаться от этой работы я, по всей видимости, не могу...

— Точно. Предложения, от которых весьма затруднительно отказаться, — моя специализация. — Он внезапно улыбнулся и стал почти приятным человеком. Вот тут-то я его и узнал, хоть легче от этого мне не стало. Скорее наоборот.

Вряд ли во всей Федерации Свободных Торговых Городов нашелся хотя бы один человек, который не знал бы, кто такой Виктор Карелла. Если бы он вдруг задумал основать какой-нибудь религиозный культ имени себя, то, уверяю вас, в адептах не было бы недостатка. Газетчики так просто обожали его. Для них он был всем — хлебом и зрелищами в одном лице. Редкий еженедельник выходил без описания очередного скандала с его участием. Он всегда делал то, что хотел, и плевал на закон, на Федерацию, на правительство, на короля, на церковь и вообще на всех, до кого только мог доплюнуть. Когда у человека много денег, то он становится сам себе государством. А денег у Виктора было очень много. Сколько точно, сказать никто не мог, да и сам он, пожалуй, не знал. Не уверен, что такие цифры вообще существуют. В той или иной степени он владел всем: производство стали, добыча серебра, алмазные копи, судостроительные верфи, шахты, доходные дома, оружие... Каким бы бизнесом вы ни решили заняться, рано или поздно вы бы обнаружили, что имеете дело с Карелла...

И этот скромный мультимиллионер стоял не в самом лучшем пивном баре Среднего города, лукаво улыбался и собирался сделать мне предложение, от которого я не смогу отказаться. Я даже предположить не мог, как он меня отыскал, но если отыскал он, то могут отыскать и другие.

И это будут вовсе не мои школьные друзья.

Признаться, я несколько расстроился — мне начала нравиться спокойная жизнь бармена. С Юлом я играл в боулинг, и он уже заводил речь о возможном партнерстве; Марта кормила меня вкусными обедами и мечтала женить хоть на ком-нибудь. Короче, жизнь удалась, и она была прекрасна.

Только закончилась как-то очень внезапно.

— В Фаро находится несколько тысяч безработных демобилизованных солдат. И любой из них за пару монет сделает все что угодно, вплоть до того, что продаст вам обе свои почки. Кстати, а как вы меня нашли?

— Мне не нужен любой. Мне нужен Питер Фламм. А нашел я вас с большим трудом. Даже с моими деньгами и связями это было очень сложно. Во многом мне просто повезло.

— Ага. Завидую вам, потому что в данном случае, видимо, не повезло мне. Но я так понимаю, что военной полиции пока можно не опасаться? И что же вам понадобилось от меня? Перерезать кому-нибудь глотку? Спалить фабрику конкурентов?

— Найти человека.

— Видимо, парень о-очень хорошо спрятался...

— Прекратите ерничать, Питер. Я вижу, что вы меня узнали, но на всякий случай представлюсь — Карелла. Виктор Карелла. — В своем имени он сделал ударение на последний слог. — Военной полиции действительно можете не опасаться, но думаю, что вы прекрасно понимаете — человек вроде меня может устроить человеку вроде вас такие неприятности, по сравнению с которыми военная полиция покажется извращением.

— Может, вы не в курсе, но вообще-то меня должны повесить по приговору трибунала. Это не очень похоже на избавление, правда?

— А это с какой стороны посмотреть. Знаете, Питер, вы зря осели в Фаро. Лучше бы вам жить по ту сторону гор. В Ле Корне до сих пор разыскивают Питера Фламма. Не очень многие поверили в то, что вас действительно повесили. Слишком уж темная была история и слишком уж поганая у вас репутация. За вашу голову даже назначена награда.

— Да? И сколько же?

— Пять тысяч. Золотом.

— Силы небесные! Да за такую сумму я и сам бы свою голову продал, если бы у меня была запасная. Однако по вашему виду не скажешь, что вы очень нуждаетесь в деньгах.

— Первое впечатление часто бывает обманчивым. Я очень жаден, а лишние пять тысяч еще никому не мешали. Так что в ваших интересах выслушать мое предложение. Если честно, то у вас просто нет другого выхода.

— Это почему же? К примеру, я могу сейчас свернуть вам шею и скрыться из города...

Его правая бровь удивленно поползла вверх.

— Вы серьезно полагаете, что в состоянии это сделать?

Нет, я так не полагал. Если уж он знал, где меня искать, то я не только не могу свернуть ему шею — я и дышу-то в долг. Люди его калибра не ходят без охраны по сомнительным пивнушкам, а с финансовыми возможностями Карелла он мог нанять в телохранители весь город. Виктор правильно расценил мое молчание и ухмыльнулся:

— Давайте все-таки поговорим. Я заинтересован в ваших услугах, а вы заинтересованы в моих возможностях, хотя вам самому пока что об этом неизвестно.

— Ну что ж, ваяйте...

Можно подумать, у меня был прям такой большой выбор.

* * *

Пробираясь между гниющих куч мусора, загромождающих улицы Нижнего города, я пытался наметить план своих будущих действий. То, что из города нужно сваливать как можно скорее, не вызывало ни малейших сомнений. Но выходило так, что сваливать было особо некуда. Хоть Фаро и крупный промышленный центр, но из него ведут всего три пути. На севере заканчивается граница Федерации. Дальше — королевство Эврифен. Оно не участвовало в войне, но это не значит равным счетом ничего. Оно вообще ни в чем не участвует. Король Гилдрой последние двадцать лет страдает какой-то манией и поэтому въезд в королевство строго запрещен. Выезд тоже. Торговля ведется прямо на пограничной заставе. Пробраться в Эврифен — плевое дело, но первый же заяц, первая же белка или мышь донесет на меня патрулю и меня повесят. В лучшем случае. Обычно нарушителей границы там четвертуют. Так что на север мне не надо.

Если бы я отправился на восток, то попал бы в Леворт. Это уже земли Айта, и оттуда открыт весь мир. Но в Леворт можно добраться только по тропе Норди, прорубленной цвергами прямо через хребет Фенрира. Нельзя ни свернуть, ни укрыться. Просто некуда. Я буду как муха на ладони — только ленивый не прихлопнет. Пристать к каравану я не могу в силу целого ряда причин, значит, нужно брать с собой припасы, фураж, воду, дрова — в пути не встретится ничего, кроме камней. Восточное направление тоже отпадает.

Стало быть, остается только запад. Два месяца назад в Тако-Ито даже стал ходить поезд. Первый после войны. Но на поезде, на лошади или пешком напрямик я смогу добраться только до Тако-Но и Тако-Ито. Это чуть больше, чем ничего. Дальше на запад — Чужие земли. Людей там не особо жалуют, а потому они

там и не живут. Из Тако-Но и Тако-Ито ведет только один путь — вниз по Гьелль к морю Рифф. Плыть долго, да и перехватить меня можно в любой точке пути. Но если мои преследователи чуть замешкаются, то я успею миновать Черную топь, а может быть, даже и плавни. А на равнине Печали они меня уже хрен найдут. Там куча городов, городков, деревушек и поселков. Значит, мне надо на запад. Там хотя бы есть шанс проскочить.

Я был уверен, что мой внезапный работодатель не станет обращаться в военную полицию и вообще предпочтет обходиться без помощи государства. Но искать меня обязательно будет. Это уж — к гадалке не ходи.

А вообще-то Виктор был прав — зря я осел в Фаро.

Здание, к которому мы подошли, находилось на самом берегу Эсты. Снаружи оно больше напоминало разрушенный хлев на покинутой ферме. На приземистом заведении, вполне пригодном для проживания очень низких карликов, отсутствовала даже вывеска — только белый крест, намалеванный известью на стене. Внутри было гораздо хуже, чем можно себе представить. Высота потолка достигалась тем, что сразу от порога ступени спускались в некое подобие земляного котлована. Свет из крохотных грязных окошек пробивался откуда-то сверху. Продвигаться приходилось на ощупь, пока глаза привыкали к густому полумраку. Вонь стояла просто ужасающая — влажный речной воздух смешивался с запахами немытых тел, гниющей плоти, испражнений, блевотины и еще чего-то столь же отвратительного. Я не удивился, если бы пришлось раздвигать эту атмосферу руками только для того, чтобы добраться до единственного столика, стоявшего посреди зала. Он появился здесь явно только для нашей встречи: деревянные столы — слишком большая

роскошь для баров Нижнего города. На мысль о том, что это именно бар, наталкивала импровизированная стойка — обтесанный валун, на котором в ряд стояли деревянные кружки. Но ни единой живой души в этой яме не было, что было очень-очень удивительно. Население Нижнего города превосходит по численности население Среднего и Центра вместе взятых. Жизнь тут начинается с захода солнца, а до этого времени большая часть жителей прячется по домам, норам, ночлежкам и подобным заведениям. Да здесь сейчас должно быть человек сто как минимум. Но не было никого, даже хозяина. Отсутствие каких-либо посетителей и присутствие столика привело меня к мысли, что Виктор специально арендовал это место только для того, чтобы поговорить со мной.

Это открытие мне крайне не понравилось.

— Карелла, а вы не могли отыскать более гнусную дыру для нашего разговора? — Я старался дышать ртом, но это слабо помогало. Проклятая вонь, казалось, впитывается через поры тела.

— Нет. Ничего, более гнусного в Фаро не существует.

В первый момент я принял это за неудачную шутку, но, взглянув на собеседника, понял, что он и не собирался шутить. Это действительно была самая грязная, самая отвратительная забегаловка во всем Фаро.

— А могу я у вас спросить, почему мы пришли именно сюда?

— Можете. Только я вам не отвечу.

Ох и славная у нас выходила беседа.

— Итак. Вам доводилось бывать в Лиа Фаль?

Я промолчал — вопрос не требовал ответа. Впрочем, Виктор его и не ждал.

— Наверняка вы были и на месте Врат. Как вам там понравилось?

— Я видел кучи камней и побольше.

— Да, зрелище, прямо скажем, не впечатляет. Знаете почему?

— Всю жизнь мечтал узнать.

— Это ненастоящее место.

— Захватывающе. Может, вы пойдете и расскажете об этом еще кому-нибудь? Скажем, географическому обществу. Вам дадут красивую грамоту, которую вы приколотите на стену среди прочих регалий.

— Мне кажется, Питер, или вы действительно не хотите воспринимать меня серьезно?

— Вам кажется. В последний раз я настолько серьезно воспринимал только гробовщика, который снимал с меня мерку перед казнью. Но вы мне не нравитесь. Наверное, не очень дипломатично говорить об этом человеку вроде вас, но что уж поделаешь... Вы внезапно появились и угрозами пытаетесь навязать мне работу, о которой еще не сказали ни слова... Вы не думаете, что это не лучший способ заводить себе друзей?

Виктор некоторое время помолчал, а затем сказал:

— Да, вы правы, наверное. Заводить друзей мне никогда не удавалось. — Он достал из кармана ту-склый медный жетон и положил его на крышку стола. — Возьмите. Это ваше.

Жетон я узнал сразу, но на всякий случай спросил:

— Это что?

— Это ваши новые старые документы. Теперь вы снова Питер Фламм. С вас сняты все обвинения, вы восстановлены в звании и можете получить все причитающиеся вам ветеранские выплаты. Куча денег, между прочим.

— Да вы что, смеетесь? Я с этим жетоном и до конца улицы не дойду, если кто-нибудь узнает о герцоге и пяти тысячах.

— Вы очень нехорошо думаете об этих честных отбросах общества. Подавляющему большинству из этих негодяев абсолютно начхать на жизнь всяких богатых ублюдков вроде меня или покойного де Мена. Ко всему прочему, немногих сторонников герцога, которые объявили награду, полтора месяца назад перевешали, обвинив в государственной измене. Ле Корн все еще находится под юрисдикцией Федерации. Что же касается Среднего города, то полагаю, что вас там угостят пивом, если узнают. Герцога де Мена не очень любили его подданные, его даже собственная жена не любила, не говоря уж о жителях Фаро. Он тут, знаете ли, немного набедокурил. Вырезал половину города, когда захватил его восемь лет назад. У него тут были личные счета, вот герцог и решил расплатиться под шумок. Кого во время войны интересовали такие мелочи? Нужно было вам хоть справки навести, что ли...

Я этого не знал. В то время я был по ту сторону гор и гораздо южнее. Туда плохо доходили новости.

Мы еще немного помолчали, и потом я сказал:

— Может, хватит тянуть кота за хвост? Что за работу вы хотите мне предложить? Только излагайте вкратце. Если у меня появятся вопросы, я вам их задам.

— Хорошо. Но мне кажется, что вопросов у вас будет много. Итак, как я уже сказал, куча камней в Лиа Фаль — это не настоящее место Врат. Но настоящие Врата находятся где-то там — возле Лиа Фаль...

— На хрена вы мне это рассказываете?

— Вы хорошо знакомы с историей Лимбы?

— Только с военной. С остальной — в общих чертах.

— Тогда слушайте и помалкивайте. Я постараюсь быть кратким. До восстания Ле Пена на Лимбе суще-